

RU

«Исконный» русский культурный код в философской мысли Г. П. Федотова

Введенский И. А.

Аннотация. Цель исследования – выявить «исконный» русский культурный код в философском наследии Г. П. Федотова (1886-1951). В статье на основе текстов Г. П. Федотова реконструированы религиозно-философские идеи мыслителя о культурогенезе, свободе, гуманизме, культурных типажах русского человека. Особое внимание уделено статусу материнства, роли милосердия в социальной этике и духовной культуре русского народа. Научная новизна работы связана с актуализацией взглядов мыслителя в контексте современной дискуссии о национальном культурном коде; отмечается, что фундирование мыслителем ценностных доминант основано на глубоком осмыслении исторического опыта и понимании специфики национальной культуры. В результате исследования установлено, что применяемый Г. П. Федотовым подход акцентуации полярных черт национального характера может иметь эвристическую ценность при обращении к проблематике культурного кода. Также раскрыты взгляды мыслителя на национальную антропологическую специфику, выявлены ценностные доминанты, атрибутируемые как исконные.

EN

The “inherent” Russian cultural code in the philosophical thought of G. P. Fedotov

I. A. Vvedensky

Abstract. The purpose of the study is to identify the “inherent” Russian cultural code in the philosophical legacy of G. P. Fedotov (1886-1951). Based on Fedotov’s texts, the article reconstructs the thinker’s religious and philosophical ideas about cultural genesis, freedom, humanism, and the cultural types of the Russian people. Special attention is given to the status of motherhood, the role of mercy in the social ethics and spiritual culture of the Russian people. The scientific novelty of the work is related to the actualization of the philosopher’s views in the context of the current discussion on the national cultural code. It is noted that the thinker’s foundation of value dominants is based on a deep understanding of historical experience and the specificity of national culture. As a result of the study, it has been established that G. P. Fedotov’s approach of emphasizing the polar traits of the national character can have heuristic value when addressing the issue of the cultural code. The thinker’s views on the national anthropological specificity have also been revealed, and the value dominants that are considered to be inherent have been identified.

Введение

Актуальная задача укрепления суверенитета страны не может быть решена без внимания государства к культуре. Проблема сохранения национальной идентичности актуализировала полемику в научном сообществе о ценностных основах России как государства-цивилизации. В современных условиях образование должно не только быть связано с передачей знаний, но и стать пространством конструирования цивилизационной идентичности (Лаптева, 2025, с. 1579). Е. И. Наумова подчеркивает, что «размывание, ослабление, разрушение культурных основ в своем пределе ведет к утрате цивилизационной идентичности и означает гибель народа» (2025, с. 377). В гуманитарном дискурсе стали разрабатываться концепты культурного кода, культурных доминант, ценностных констант и аксиологических моделей, цель которых в условиях геополитической трансформации, обусловленной построением многополярного мира, – актуализировать объединяющий потенциал русской культуры. Вместе с тем в общественной полемике наблюдается интерес к мифологемам, что продиктовано влиянием культурфилософских концепций на общественно-политические движения, как показано О. А. Чулковым (2026) на примере культурного феномена «скифства». Вариативность

смыслообразующих конструкторов, вызванную многокомпонентностью мифологем, необходимо учитывать и при анализе значимых социальных практик (Козырев, 2024). В связи с этим представляется актуальным проведение обстоятельных исследований и обращение к наследию отечественной интеллектуальной традиции, к которой справедливо принадлежит религиозный мыслитель Г. П. Федотов (1886–1951).

Задачи исследования: проанализировать понятие «культурный код», реконструировать идеи Г. П. Федотова о развитии русской культуры; определить аксиологические константы русской культуры, артикулируемые Г. П. Федотовым; выявить концептуальные структуры в философии мыслителя, применимые для концепта «исконного культурного кода», исследовать их смысловое содержание.

Методы исследования: 1) герменевтический подход позволил реконструировать взгляды Г. П. Федотова на развитие русской культуры; 2) культурно-антропологический и историко-генетический методы использовались для анализа характерных черт русского человека; 3) посредством аксиологического подхода были выделены ценностные доминанты русской культуры в философии Г. П. Федотова.

Материалом для исследования послужили труды Г. П. Федотова, репрезентативно представляющие его наследие в ранний и зрелый периоды и позволяющие проанализировать эволюцию его взглядов. В рамках статьи особый интерес представляет текст Г. П. Федотова «Русская культура», подготовленный профессором А. В. Антощенко и вошедший в 7-й том собрания сочинений.

Теоретической базой работы послужили труды современных исследователей (Андреанов, 2025; Антощенко, 2017, 2018; Волкогонова, 2015; Гаман, 2026; Гумерова, 2005; Домнинский, 2025; Козырев, 2024; Костромин, 2022; Матюшевская, 2015; Mjøl, 2022), в которых рассматриваются различные аспекты творческого наследия Г. П. Федотова в историческом, культурфилософском и религиозном ключе. В исследовании концепта «культурного кода» были использованы работы М. Н. Киреева, Е. Н. Коренева, Н. В. Киреевой (2024), А. В. Лаптевой (2025), Д. В. Лосева (2024), В. М. Савицкого, Е. В. Черкасова (2023), Н. Е. Тихоновой, А. В. Каравай (2025).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в разработке и преподавании разделов дисциплины «Основы российской государственности», посвященных мировоззрению и ценностям российской цивилизации», для изучения культурфилософии Г. П. Федотова.

Обсуждение и результаты

Современные исследователи в области социально-гуманитарного знания в своих научных работах всё чаще используют термин «культурный код». Широкая полемика и вариативность трактовок свидетельствуют о том, что в настоящий момент точно не определена научная дефиниция этого понятия, а его смысловое наполнение продолжает формироваться. В. М. Савицкий и Е. В. Черкасова (2023), обобщая теоретические знания по проблематике кодов в гуманитарном аспекте, выделяют ряд категориальных признаков, образующих понятие «культурный код». Среди них в рамках настоящей статьи необходимо выделить присутствие в культурном коде совокупности символических образов; кумулятивную функцию – накопления и трансляции от поколения к поколению системы ценностей этноса; моделирующую функцию как комплекс представлений о мироустройстве; регулирующую функцию в виде «программы» мышления и поведения, обуславливающей национальную идентичность (Савицкий, Черкасова, 2023, с. 4355). Н. Е. Тихонова и А. В. Каравай, исследуя культурный код россиян в аспекте специфики моральных норм как образующих элементов, подчеркивают, что «культурный код в любом случае должен включать в себя элементы культуры, которые типичны для нации в целом» (2025, с. 89). С. В. Володенков, раскрывая роль образования и культуры для национального суверенитета, определяет уже непосредственно культуру «не набором фольклорных элементов, а глубинным кодом национальной идентичности» (2025, с. 8). Исследователь Д. В. Лосев, рассматривая культурный код как фундамент культуры, отмечает, что «по культурному коду можно считывать смысловые составляющие конкретной культуры, воспроизвести картину мира и мировоззрение народа-носителя этой культуры» (2024, с. 138). М. Н. Киреев, Е. Н. Коренева и Н. В. Киреева, анализируя эволюцию культурного кода России, выделяют, с одной стороны, способность культурного кода, определяемого как «своего рода ключ к пониманию культуры народов» (2024, с. 22), меняться под воздействием исторических обстоятельств, с другой стороны, указывают на присутствующие в культурном коде «отзвуки» тысячелетней истории России. Связывая укрепление и развитие культурного кода страны с сохранением и передачей значимых ценностей, авторы выделяют роль в его терминологической трактовке философов, историков, исследователей феномена культуры (Киреев, Коренева, Киреева, 2024, с. 22–23). Таким образом, несмотря на продолжающийся процесс концептуализации термина «культурный код», его сущностными признаками являются: непосредственное отношение к национальной культуре, наличие ценностных доминант, значимость которых раскрывается через признание их характерными для данного общества, узнаваемость в поведенческих моделях социума и сохранение их от поколения к поколению. В этом контексте обращение к творческому наследию Г. П. Федотова, внесшего значительный вклад в изучение русской культуры, обосновавшего наличие в ней ценностных основ, прослеживаемых с периода Древней Руси, позволяет предположить существование исконного русского культурного кода, для раскрытия которого он прибегает к концептуальным структурам: «русская душа», «русский характер», «типажи русского человека», «народная душа».

Не будет преувеличением сказать, что основной темой в творчестве Г. П. Федотова была Россия, для осмысления которой он обращался к культуре, понимаемой им «как иерархия духовных ценностей» (Федотов, 2013, с. 391). Подчеркивая включенность цивилизации в низшие этажи культуры, мыслитель отмечает: «Не в удовлетворении потребностей, а в творчестве, в познании, в служении высшему творится культура»

(Федотов, 2013, с. 391). Относя культуру преимущественно к делу человека, Георгий Петрович считает, что она не может быть сведена только к антропогенному модусу, источником всего ценного в культуре, первоначально, вдохновляющим на творчество, является Бог. Таким образом, в культуре присутствуют два начала: труд и вдохновение. С трудом связаны не только инструментарий, но и рассудочное знание, в высшем своем проявлении воплощающееся в науку. Как вдохновение, культура изначально возникает в поэзии, песне, танце, с древних времен связанных с божественным откровением, молитвой, культом (Федотов, 1998, с. 235-236). Размышляя о культуре своей эпохи, Г. П. Федотов выделяет в ней два слоя: культуру технически-научную, включающую все области научного знания, в том числе гуманитарного, и культуру гуманистическую, охватывающую «область оценок, эстетическое и религиозно-философское творчество» (1998, с. 307). Для мыслителя это разграничение является необходимым для поиска путей преодоления современного раскола между Церковью и культурой, наукой и религией. Гуманистическая культура связана у Федотова с проблемой гуманизма, определяемого им не как синоним гуманности, – для мыслителя «гуманизм есть культура человека как творческой личности» (2004, с. 315), но человека страдающего и нуждающегося в спасении, создающего ценности, а не «преследующего свое счастье, каким его видит буржуа» (2004, с. 316). Рассматривая гуманизм как область оценок и в этом смысле веры, но веры, «оторвавшейся от церковного символа» (Федотов, 1998, с. 308), должный путь гуманизма он видит в развитии христианской идеи, цель которой – обретение полноты жизни в объединении Церкви и культуры. Сам человек без Бога для мыслителя становится либо «домашним животным – в укрощенной цивилизации», или зверем в революционной борьбе. «Культура – эти сгустки накопленных ценностей – замедляет процесс бестиялизации обезбоженного человека <...> Вот почему слабость культурной прослойки в русской жизни беспощадно оголяет зверя», – констатирует Федотов (2013, с. 7).

Таким образом, отмечая в культуре иерархичность (в этом смысле в нее входят различные «этажи» и «слои»), Г. П. Федотов (2013, с. 391) дифференцирует два понимания культуры: «духовное и качественное» и «количественное и утилитарное». Не будет ошибкой сказать, что основной смысл размежевания этих аспектов не в их антагонизме, но в правильной подчиненности, выстроенной иерархии ценностей. По мысли Федотова (2013), сведение смысла человеческой жизни к идее счастья как удовлетворения потребностей в комфорте не выражает подлинной идеи культуры. В то же время вопросы о смысле культуры умолкают, когда отсутствует элементарное материальное обеспечение. В этом отношении Георгий Петрович подчеркивает «карикативное» значение технической цивилизации: «До тех пор, пока народ в России ведет полуголодное существование, ... – только снобы могут отфыркиваться от экономики» (Федотов, 2013, с. 392). Но в этом строительстве социальной жизни Россия не должна потерять духовного содержания и смысла национальной культуры, заданного в православном христианстве. Г. П. Федотов убежден: «Всякая подлинная культура имеет религиозный смысл. Теоретический смысл ее есть богопознание, практический – богоуподобление» (1998, с. 301). М. И. Матюшевская, исследуя тему Древней Руси в наследии Г. П. Федотова, справедливо заключает, что Георгию Петровичу удалось показать роль религии в формировании культуры и ментальности народов, описать «суть и эволюцию религиозных идей, структурирующих общество» (2015, с. 190).

Изучая русскую религиозность, Г. П. Федотов обращается к глубине национальной жизни, в которой, наряду с православием, есть и языческие пласты; их присутствие в народной вере и в культуре ему удалось убедительно показать. Размышляя о подходе к описанию национальных характеристик – «народной души», Г. П. Федотов подчеркивает тщетность попытки выведения ее даже из самых распространенных и типичных образов всей нации: по его мнению, «формула нации должна быть дуалистичной» (2013, с. 82), между полюсами национального характера располагаются переходные типы, а внутренняя напряженность между ними обеспечивает развитие и движение как условие самой жизни. А. В. Антощенко, выделяя этот методологический подход Федотова, полагает, что изучение исторического материала, основанное на выделении биполярных оппозиций, «между полюсами которых устанавливалась определенная иерархия смыслов» (2017, с. 16), способствовало объективному рассмотрению прошлого. Наиболее репрезентативной иллюстрацией данного подхода служит типизация русского человека, представленная Г. П. Федотовым в серии публикаций, объединенных в цикл «Письма о русской культуре». В качестве двух полюсов Георгий Петрович исследует противоположенные портреты русского человека. Левый портрет представляет вечного искателя, энтузиаста – русского интеллигента, не как всего класса образованных людей, но как особого «ордена», зарождение которого связано с 30-ми годами XIX века. «Для него творчество важнее творения, искание важнее истины, героическая смерть важнее трудовой жизни», – пишет Г. П. Федотов (2013, с. 364). Народными корнями или проявлениями народного духа этого молодого в истории России класса мыслитель считает «бегунов», «странников», в целом «религиозно обеспокоенных» русских людей, противостоящих ритуализму, в которых кенотический тип народной религиозности, оторвавшись от почвы с церковным расколом XVII века, приобрел форму скитальчества. Примечательно, что этот народный тип, воспринимаемый часто как принадлежавший к истокам Руси, Федотов (2013) относит к более позднему периоду Российской империи. На другом полюсе расположен «московский человек». В этом народном характере проявляется отвращение к «нервам», простота, «спокойная уверенная в себе сила», склонность к фатализму, «юмор, как усмешка над передним планом бытия» (Федотов, 2013, с. 366). К этому типу прежде всего принадлежит купечество, духовенство, «хозяйственное крестьянство», «почвенная литература» – Аксаков, Лесков, Мельников, Мамин-Сибиряк, к нему же относятся и представители высшей культуры – Ключевский, Менделеев, Суриков и Мусоргский; а также отчасти – Толстой, полностью не укладывающийся в него (Федотов, 2013, с. 368). Как подчеркивает О. Д. Волгогонова, оценка этого типа у мыслителя неоднозначна (2015, с. 253). В нем проявляется стойкость, жесткость и воля,

позволившая создать Московское царство, в нем и источник русской творческой силы, но одновременно с «истинно» национальным, он «не лишен узости», не обладает универсальностью. Это качество проявится в русском человеке позже, в период Империи, но его корень будет уходить в этот московский слой. «Петровская империя прикрыла сверху европейской культурой московское царство, но держаться она могла все-таки лишь на московском человеке», – пишет Г. П. Федотов (2013, с. 368).

Между «московским» и «интеллигентским» типами Г. П. Федотов выделяет русского человека Империи. Ориентируясь на Достоевского и Пушкина, этот тип для мыслителя выражается в универсальности как национально-призвании. Его зарождение связано с Петром I, преобразования которого направили Россию на «мировые просторы», создали породу «русских европейцев». По определению Федотова, особенность этого типажа: «...свобода и широта духа – отличается не только от москвичей, но и от настоящих западных европейцев. В течение долгого времени Европа, как целое, жила более реальной жизнью на берегах Невы или Москва-реки, чем на берегах Сены, Темзы или Шпрее» (2013, с. 369). Тип русского европейца также может быть представлен полярно – «скитальца» и «строителя». По мысли Г. П. Федотова, «скитальцу» в русской литературе соответствуют образы Онегина, Рудинных, Райских – «цепь лишних людей», видеть в которых основное течение русской жизни – «колоссальное недоразумение, род историко-литературной аберрации» (2013, с. 369). Появление этого типа Федотов связывает со скептицизмом, следствием поверхностной оценки «старой русской и новой западной жизни» (2013, с. 369). Уточняя эту мысль, Г. П. Федотов подчеркивает: «Натуры слабые легко бывали раздавлены богатством чужой культуры» (2013, с. 369). Этому типу он противопоставляет «другой тип русского европейца – того, который не потерял силы характера московского человека, связи с родиной, а иногда и веры отцов» (Федотов, 2013, с. 369). Этот второй тип «строителя» есть подлинный «птенцы гнезда Петрова», создававшие Империю, служившие ей и на ратном поле, и на ниве просвещения. Этот тип, выросший на «московском корню», был связан с ним прежде всего ценностной основой: «...у него с ними была общность нравственного идеала, была общая любовь к родной стране и к ее «душе» (Федотов, 2013, с. 370). Век Александра стал периодом наивысшего развития этого типажа в истории России, Георгий Петрович отмечает, что тогда «они занимали почти все правительственные посты, и между властью и культурой не было разрыва. Пушкин, “певец империи и свободы”, был последним великим выражением этого имперского типа» (Федотов, 2013, с. 370).

А. С. Пушкин, являясь олицетворением гуманизма, занимает особое место в мировоззрении мыслителя. Георгий Петрович выделяет два метафизических начала в личности поэта: Россия, раскрывающаяся не только в природе и народности, но и государственности – Империи, и свобода. Ставшие антагонистами в русской жизни после смерти русского гения, в самом Пушкине они не нарушали цельности его мирозерцания. С деятельностью этого типа русских европейцев Г. П. Федотов связывает развитие России, выделяя прежде всего их культурную работу не только в Сенате или Государственном совете, но и в земствах, уездных судах, и прежде всего в Университете. Размышляя о будущем русской культуры, Георгий Петрович отмечает: «Как раз в начале XX века – с особой силой после первой революции 1905 года – русский европеец, человек культуры начал стремительно разрастаться за счет интеллигенции. Могло казаться, что ему принадлежит будущее. Судьба сулила иное...» (Федотов, 2013, с. 370–371). В рассмотренных типажах русского человека для мыслителя есть еще и наследие «удельно-вечевой» Руси, которое мы можем узнать в «широте», «вольности» русской натуры (Федотов, 2013, с. 371).

Определение национальных характеристик – души народа – у Георгия Петровича осложнено не только проблемой возможности типизации, но и факторами локализации и хронологии. Первый связан с пространством, т. е. с необходимостью изучения и понимания местных отличий, например великорусской и малорусской или белорусской религиозности. Стоит отметить, что в работах на политические темы именно в непонимании региональной специфики культуры, невнимании к этой составляющей национальной проблемы Г. П. Федотов видит трудность ее благополучного разрешения. Хронология, или фактор времени, выражается через смену культурных форм в исторической последовательности и наиболее ярко проявляется в «надрывах» ее истории. П. А. Домнинский (2025, с. 146) обращает внимание на использование Г. П. Федотовым анахронизма, нарушающего линейную хронологию. Выделение одновременно существующих различных культурных «напластований» и подход к культуре как определенной иерархии, в которой есть своя градация уровней – «от гениальности до пошлости» (Федотов, 2013, с. 82), существенно осложняет типизацию и понимание идей мыслителя. Вместе с тем это позволяет и более объективно и объемно рассматривать столь сложное явление, как национальная культура. По меткому замечанию Г. П. Федотова, если пошлое доминирует в суждениях иностранцев, то в своих собственных оценках мы склонны «мерить меркою гения» (2013, с. 82). Переноса эти рассуждения на религиозную душу народа, Федотов указывает на то, что «понятию гениальности в культуре соответствует в религии святость» (2013, с. 82). Несмотря на предостережение Георгия Петровича относительно проекции идеалов святости как высшего уровня духовной культуры на весь народ, ее рассмотрение представляется обязательным для осмысления русской культуры. Зарубежный исследователь К. J. Mjог (2022, р. 24) справедливо считает, что для понимания культурной жизни в целом отправной точкой для Федотова является необходимость понять религиозную личность и в первую очередь святых.

В одной из первых работ Г. П. Федотов подчеркивает, что «культура творится в исторической жизни народа» (1996, с. 107), развитие культуры имеет «общий фон, который состоит из традиций, из соединенных усилий народа, из “общего дела”» (2013, с. 354). Национальная культура для Федотова есть единство, что позволяет выделять ее уникальность, но единство не статичное и не замкнутое, а «раскрывающееся в многообразии и развитии» (2014, с. 357); формирование этого единства происходит под воздействием множества факторов, влиянием которых можно объяснить своеобразие характера и культуры народов. В попытке определить своеобразие

национальной культуры как «синтеза разнообразных влияний» (Федотов, 2014, с. 357), Г. П. Федотов выделяет наиболее значимыми: этнический базис, природу, хозяйственную жизнь, политические условия и религию.

По мнению Георгия Петровича, русская народность сложилась из смешения славянского и финского расовых типов, а в более поздние периоды своей истории вобрала в себя тюркские и другие этнические элементы. Отмечая как характерную черту способность к ассимиляции, мыслитель подчеркивает, что «влияние расовых предрассудков и сопротивление “крови” минимально» (Федотов, 2014, с. 358); этой особенностью можно объяснить и современную объединяющую роль русской культуры. Однако, по мнению Федотова (2014), в характере русского народа славянское и тюркское представляется достаточно контрастным, что во многом и определило полярность душевного склада русского человека. «Женственной мягкости и лиризму, которые присутствуют в русской душе как ее славянское наследство, противостоит меланхолическая тяжесть, склонность к тоске и разгулу. Кротость и жестокость парадоксально уживаются в русской душе», – отмечает Г. П. Федотов (2014, с. 358). Созвучные идеи высказывал Н. А. Бердяев в сборнике «Душа России» (1915), развивая тему «женственности» славянской расы (Бердяев, 1990). Г. П. Федотов иначе расставляет акценты: тема женственности проявляется у него через образ Матери-земли.

Обращаясь к глубинным пластам народной души, Георгий Петрович выделял языческое наследие в качестве важной ступени для понимания русского христианства и культуры. Рассматривая непосредственно отличительную особенность дохристианского язычества восточных славян, Федотов (2015) выделял их обращенность к земле, а не к «небесному миру». Культ земли был связан не с эстетическим восприятием природы, а имел вполне конкретное содержание, ассоциировавшееся с почвой, полем пахаря, утробой, плодородием.

Это вовсе не значит, что славянам было чуждо любованье природой, но в большей степени оно направлено на то, что произрастало из земли. Девичья красота могла быть приравнена к красе цветка или, что более характерно, к плоду, ягоде. Вообще, роль эстетического чувства крайне важна для славянской души, показательно здесь подчеркнутое летописцами значение красоты греческого богослужения, поразившее посланников князя Владимира при принятии христианства от Византии. Однако наиболее таинственные религиозные чувства славянского народа были связаны с культом не красоты, но плодородия. Федотов подчеркивает: «Земля – это русская “Вечная Женственность”, не небесный ее образ: мать, а не дева; рождающая, а не девственная...» (2015, с. 25). Столь высокая роль материнства носит смыслообразующий характер в аксиологии русской культуры. Обращаясь к истории древнерусской святости, Г. П. Федотов подчеркивает, что за период древней Руси из 12 канонизированных русской православной церковью женщин только одна была девой – Евфросиния Полоцкая. Сам этот факт говорит об исключительном культе священного материнства, прослеживаемом от языческого периода с культа Матери-Земли и до особого почитания Богородицы в христианский. В статье «Мать-земля. К религиозной космологии русского народа» Федотов обращает внимание на идею Достоевского, указавшего в романе «Бесы» на «родство религии Богоматери с религией “матери-земли”» (2013, с. 237). А. П. Козырев (2024, с. 5), исследуя концепт «мать сыра земля», отмечает, что Г. П. Федотов посвящает этому концепту отдельную главу в работе «Стихи духовные», опубликованной в 1935 г. во время кульминации «спора о Софии» вокруг учения прот. С. Булгакова. Определяя тему софийной космологии как не только наиболее спорную, но и важную для православного богословия своего времени, мыслитель полагал, что в ней «ищут своего выражения вещи предчувствия и тысячелетние сны дремлющей народной души» (Федотов, 2013, с. 203).

Культ Матери-земли теснейшим образом связан с социальной этикой. «Земля – это олицетворение доброты и милосердия» (Федотов, 2015, с. 25). Национальная специфика отношения к закону и правосудию, таким образом, носит каритативное содержание и объясняется приданием ему нравственной ценности, если правосудие осуществляется в отношении бедных и угнетенных. Почитание Матери-земли имеет отсылку и к безличному родовому началу – общине. Таким образом, Г. П. Федотов отмечает: «Грехи против рода суть грехи против матери-земли. Придавая им нарочито тяжкое значение в иерархии зла, народ свидетельствует о своем особом почитании божественно-материнского начала» (Федотов, 2013, с. 251).

С культом прародителей – «вечной родственной общиной» – связан второй центральный религиозный мотив народных верований – культ рода. В качестве иллюстрации Г. П. Федотов (2015) говорит о сохранении отчества среди европейских народов только у русских и балканских славян. Род занимает более коренное место, превосходя семью, не вмещающую полноту его духовной весомости. В общественной этике все отношения приобретают значение родства. Об этом свидетельствует и сложная система обозначения родственных связей, и распространение обращений в зависимости от возраста и социального статуса знакомого или незнакомого человека, – «отец», «брат», «мать», «сестра». Стоит заметить, что не только кровное родство, но и соседство или общее землевладение выступало определяющим для жизни общинной или «миром». Г. П. Федотов полагает: «В идеале вся русская нация могла в старину рассматриваться как огромный “клан”, или “род”, отцом которого был царь» (2015, с. 28). После принятия христианства эта особенность не исчезла, но трансформировалась в братство людей в духовном смысле, сохранившее также значение кровного родства в границах нации или расовой общности.

Раскрывая влияние природы и климата на культуру, Федотов подчеркивает сложность и разнообразие, продиктованное историей заселения российских земель. Если сводить это влияние к полярным проявлениям, то их можно обозначить как «степной» и «лесной» пейзажи. Освоение первобытных лесов северо-востока Руси, позволившее создать Великороссию, воспитывало «сосредоточенность и внутреннюю дисциплину». С ним резко контрастирует степной простор юга и востока, активно осваиваемый с XV по XVI век и в наибольшей мере повлиявший на Россию, какой знал ее Георгий Петрович. «Бескрайность, безграничность пространства, легкость передвижения, отсутствие межей естественно воспитывали любовь к “воле”, в смысле отсутствия внутренней дисциплины и самоограничения; неспособность удовлетвориться законченными формулами, метафизическую тоску

по бесконечному», – пишет Г. П. Федотов (2014, с. 359). Идея о влиянии природы на культуру, национальный характер высказывалась как западными, так и отечественными авторами. На Г. П. Федотова, представляется, в этом смысле в большей степени влияние оказал В. О. Ключевский. Обращаясь к наследию великого историка, Г. П. Федотов подчеркивает: «Он становится проницательным художником, когда спускается в низшие социальные пласты: географическую природу русской земли, хозяйственный быт народа. Его характеристика великоруса (в I томе) навсегда останется классической» (2012, с. 158). Во взаимосвязи природы и народного характера, выделяемой Георгием Петровичем, прослеживается и близость идей, высказанных и Н. А. Бердяевым: «Широк русский человек, широк как русская земля, как русские поля. Славянский хаос бушует в нем» (1990, с. 64).

Тема хаоса, анархии раскрываются в русском характере как воля. С точки зрения Г. П. Федотова, свобода личности не равна воле: рассматривая свободу как «поздний и тонкий цветок культуры» (2004, с. 97), он обращает внимание на то, что индивид всегда подчинялся коллективу, в истории не встречаются культуры, даже самые гуманные, признающие автономное существование личности. В качестве исторической аналогии им рассматриваются древние греки, которые, сражаясь за свободу, понимали под ней свободу своего полиса и демократическое самоуправление в нем. «Это была свобода для государства, на которую не могли притязать ни личность, ни меньшинственная группа», – пишет Г. П. Федотов (2004, с. 98). Развивая свою мысль, Георгий Петрович напоминает, что на период расцвета свободы Афин приходится казнь Сократа, изгнание Анаксагора, и подчеркивает тоталитарный характер государства-утопии Платона.

Свобода в контексте культуры общежития рассматривается мыслителем как «социальная и личная свобода одновременно» (Федотов, 2004, с. 101), включающая в себя свободу духа и свободу тела. Под «телом» здесь понимается «всё, что принадлежит личности, но не является ею самой» (Федотов, 2004, с. 102). Принципиально важным является то, что зарождение свободы Г. П. Федотов связывает не с Великой французской революцией, Реформацией или Ренессансом, а с европейским Средневековьем. Не идеализируя нравы и события этого периода, Георгий Петрович выделяет две линии ее становления. Первая связана со свободой веры, но в особом смысле – теологемы *libertas Ecclesiae*, означающей независимость церкви от светской власти. Это позволило Церкви католической Европы не только не раствориться в государстве, но, более того, выступать в роли арбитра, проявляя свою «учительную» власть.

Это проявлялось в своего рода двоевластии, в котором церковь заботилась о душах подданных, национальный монарх отвечал за «тело». Центральным для мыслителя здесь является отсутствие абсолютизации светской власти, Г. П. Федотов считает, что «самый факт церковно-государственного дуализма ограничивал власть государства, создавал сферу личной свободы» (2004, с. 104). В этом мыслитель видит и отличие европейского Средневековья от Византии и исламских стран, в которых «высшая духовная власть совпадает с государственной» (Федотов, 2004, с. 104).

Считая «свободу тела» менее высокой, но более ценимой современными демократиями, Г. П. Федотов (2004) связывает ее зарождение в феодальном мире с идеей «помещика-государя». Вассал – не только подданный, но и «государь» на территории своей сеньории, его отношения с сувереном определяются не волей монарха, но обычаем и договором. Развитие западных демократий Георгий Петрович сопрягает с наследованием вассальных привилегий, их распространением на остальные общественные группы. Сравнивая свободу «тела» с плодами высшей культуры, Федотов отмечает, что она могла зародиться только как привилегия. Широкие массы не нуждаются в ней, как и не нуждаются в высоких формах культуры. Примечательно, что период Ренессанса мыслитель ассоциирует с появлением тирании в Италии и абсолютизма в Европе, а следовательно, ограничением плюрализма власти как одним из условий свободы. Упадок религиозности и смещение церкви с универсальных позиций также становится условием «умаления свободы». Примечательно, что для Георгия Петровича идея свободы церкви раскрывается у Федора Михайловича. Федотов пишет: «Быть может, никто с такой силой не утверждал смысла свободы для христианской церкви, как это сделал Достоевский в своей знаменитой “Легенде”» (2004, с. 109). Таким образом, свобода, к которой часто в своих работах обращается Г. П. Федотов, в социальной коннотации как элемент культуры общежития «есть лишь утверждение границ для власти государства, которые определяются неотъемлемыми правами личности» (2004, с. 101). Говоря о границах власти государства, Георгий Петрович считает, что их предел должен быть определен «двумя началами, по-видимому, всегда необходимыми для осуществления свободы: плюрализмом власти и абсолютным характером духовных (религиозных) норм» (Федотов, 2004, с. 106). В этом контексте Георгию Петровичу не близка неolibеральная идея, в которой свобода неверия как элемент свободы веры становится центральным, изменяя содержание свободы, уводя его от целостной системы ценностей в чисто интеллектуальную конструкцию.

В таком понимании свободы совершенно четко формулируется и понимание воли Георгием Петровичем: «Свобода личная немыслима без уважения к чужой свободе; воля всегда для себя» (Федотов, 2004, с. 137). Анализируя русскую культуру, Федотов развивает эту тему на уровне власти и в народном характере: «Так как воля, подобно анархии, невозможна в культурном общежитии, то русский идеал воли находит себе выражение в культе пустыни, дикой природы, кочевого быта, цыганщины, вина, разгула, самозабвения страсти, – разбойничества, бунта и тирании» (Федотов, 2004, с. 137). Вместе с тем Георгий Петрович выделяет положительные свойства этой черты в русском характере: «...она живет в беззаветной удали русских летчиков, полярных исследователей» (Федотов, 2013, с. 377). Противопоставляя волю свободе, необходимо подчеркнуть, что, выделяя свободу как необходимый элемент развития культуры, он не считает ее чуждой русскому характеру. Проблематизируя тему свободы на различных этапах исторической жизни России, Федотов полагает: «В самом православии заложено всего более основ для свободной общественности, хотя исторические условия чрезвычайно

затрудняют ее актуализацию» (2011, с. 223). Наиболее совершенную форму ее реализации он видел в идее соборности – «где повинующиеся повинуются свободно, где властвующие не властвуют, но служат всем и находят основу своего служения в общем признании» (Федотов, 2011, с. 246). В исторических примерах русской жизни в этом смысле ему близка идея народоправства Древнего Новгорода, приближающегося к теократическим формам. Указывая на разнообразие природного ландшафта, Георгий Петрович выделяет сходство Киевско-Новгородской Руси с Восточной Европой, и в этом сходстве пейзажей он видит, что в русском характере есть «гармоническое равновесие сил и способностей, сближающее русского человека с западным европейцем» (Федотов, 2014, с. 359). Вместе с тем, в работе «Письма о русской культуре» Федотов, характеризуя русского человека, точно подмечает: «Природа для него не пейзаж, не обстановка быта и уж, конечно, не объект завоевания. Он погружен в нее, как в материнское лоно, ощущает ее всем своим существом, без нее засыхает, не может жить» (2013, с. 372).

Рассматривая этнические и природные факторы, Г. П. Федотов считает, что в большей степени определять «психический мир» нации способна хозяйственная жизнь. При этом русское средневековье он связывает с расцветом торговой и городской жизни, характерным примером которого является Новгород. В московский период акцент смещается на земледелие, а наиболее народным типом становится русский крестьянин. Сам народ ассоциируется с этим типажом. Его менталитет формируется как производное аграрного календаря. Напряженный труд летом и праздность в зимние месяцы, по мысли Георгия Петровича, определили склад характера русского человека, «способного на единовременное героическое усилие, но не на регулярный постоянный труд» (Федотов, 2014, с. 360). Зависимость от природных стихий как проявления воли Божией порождает в нем глубокую религиозность, «сообщает этой религиозности характер пассивности» (Федотов, 2014, с. 360). Общинное крестьянское хозяйство, воспринявшее более древние формы семейно-родового строя, в наибольшей степени сформировало и социальную этику. «Жизнь “миром”, коллективом, уравнилительный идеал владения, растворение личности в коллективе, недоверие к письменному закону и жизнь по обычному праву – таковы черты крестьянского быта, властно определявшие и национальный характер, и идеалы русской культуры» (Федотов, 2014, с. 360). Этика коллектива у Г. П. Федотова связана как с природными факторами, суровыми условиями ведения хозяйства, необходимостью общего труда, так и политическими. Прикрепление крестьянства к земле, потеря личных прав, зависимость от произвола помещика, особенно остро проявившаяся в период крепостного права, – всё оказало чрезвычайно мощное влияние на русского человека и его культуру. «Государственный строй империи таким образом способствовал развитию пассивных добродетелей народа: терпения, служения, самоотвержения – и подрывал активную жизнедеятельность», – констатирует Г. П. Федотов (2014, с. 361).

Отмечая факторы природного и социального порядка для духовного строя русского народа, Г. П. Федотов отводит главенствующую роль религии. «Религия лежит в основе всякой культуры, во всяком случае, на первых этапах ее развития», – пишет Г. П. Федотов (2014, с. 363). О. Д. Волкогонова, исследователь наследия мыслителя, справедливо отмечает: «Применительно к России проблема истоков, корней духовной жизни народа трансформировалась в проблему изучения особенностей преломления в национальной культуре христианских принципов и ценностей» (2015, с. 251). М. Г. Андреанов (2025, с. 225) также делает обоснованный вывод, что религиозная вера в работах Г. П. Федотова выступает базовым экзистенциалом для понимания русской истории и культуры. Историческим событием, предопределившим судьбу русского народа, Георгий Петрович считает принятие христианства от Византии, именно с ним Федотов связывает само зарождение единства Руси из варварских племен, в нем же он видит ключ к пониманию родства и отличия России от Запада. Г. П. Федотов, говоря о периоде крещения Руси, подчеркивает, что на тот исторический момент «Византия была в расцвете своих культурных сил» (2014, с. 364), во многом превосходивших культурный уровень Западной Европы. Однако, по мнению Г. П. Федотова, Древняя Русь не смогла в полной мере воспринять культурную «школу» Византии, связанную с греческой традицией и продолжающую ее. Не относя Древнюю Русь к варварской, исследователь отмечает, что в ней присутствовало зодчество, особенно развита была иконопись; мыслитель полагал, что в ней отсутствовала «словесная культура». «Никаких следов науки, философии, даже богословия», – пишет Г. П. Федотов (2014, с. 364). По мнению Георгия Петровича, эта особенность – следствие перевода Священного писания на славянский язык. Из этого исторического факта мыслитель выводит два следствия. Первое связано с практическим характером русской религиозности. Основной интерес вызывали книги, непосредственно удовлетворявшие церковные нужды, и в этом смысле русская церковь не стала научной школой, в которой могли в более поздние периоды найти удовлетворение интеллектуальные запросы общества. Говоря об отсутствии принятия классического греческого наследия из византийской школы мысли, Г. П. Федотов, признавая успехи России в государственном строительстве и искусстве, все-таки выделяет негативные последствия: «В результате, когда она столкнулась с “умом” в лице Запада, в лице немецкой слободы в Москве, она оказалась перед ним безоружной. Неизбежный для ее существования процесс усвоения западной техники для варварских и простых (не в добром смысле) умов превратился в духовное рабство и отречение от своей традиции» (1998, с. 151). В свою очередь, именно славянский перевод, в отличие от латинского, был понятен широким массам. В этом факте мыслитель видит положительную линию – проникновение евангельского слова в народную душу, что нашло отражение в художественной и духовной культуре. Если с Пушкина, по мысли Федотова, русская литература становится национальной, освобождаясь от подражания чужеземной школе, поиски собственных путей русской богословской традиции он связывает с Хомяковым, а ее расцвет – с XX столетием, но важнейшим элементом строительства нового русского богословия явилось то, что «русская национальная традиция, безмолствующая в слове, открылась нам в памятниках церковного искусства, в подвиге русских святых, в народной религиозности» (Федотов, 2012, с. 287).

Исследователь творчества мыслителя Ж. А. Гумерова (2005, с. 32) отмечает, что обращение к теме святости является структурообразующим элементом в исследовании Г. П. Федотовым характера русского народа и историческом развитии России. «Несмотря на непререкаемый канон святости, унаследованный от Византии, портреты русских святых,... значительно свежее и национальнее. В них с огромной силой явлен религиозный идеал народа», – пишет Г. П. Федотов (2015, с. 95). Как наиболее специфическую русскую черту, присущую не только русской религиозности, но и русской культуре, Г. П. Федотов выделял кенотическое понимание христианства. Л. А. Гаман (2026, с. 169) справедливо отмечает, что «русский кенотизм» выделяется мыслителем фундаментальной особенностью русского религиозного сознания. Во многом это связано с переводом Евангелия на славянский язык, что способствовало его доступности для народного восприятия. Вместе с тем А. В. Антощенко (2018, с. 71) на основе анализа работы Федотова «Русская религиозность» подчеркивает и роль древнерусского язычества в национальном восприятии христианства. Так, можно привести предположение Георгия Петровича, высказанное им в этой работе при анализе «Слова о полку Игореве»: «На основании имеющихся скудных свидетельств о русском язычестве можно сделать вывод, что оно было значительно более мягким по своему характеру...» (Федотов, 2015, с. 307). Г. П. Федотов предостерегает от чрезмерного принятия этого тезиса, месть княгини Ольги и жестокость князя Владимира – яркие тому примеры, в то же время стремление постижения ими Евангельских истин и последующая глубокая трансформация их жизни также не вызывает сомнения. «Так Евангелие реально воздействовало на грубые сердца язычников, пересоздавая их, и свидетельством этого благотворного влияния являются наиболее трогательные и нравственно чистые черты в единственном дошедшем до нас эпическом произведении Древней Руси», – констатирует Г. П. Федотов (2015, с. 308).

Раскрывая национальный тип святости, мыслитель обращается к образу первых русских святых – братьям Борису и Глебу и св. Феодосию Печерскому. Князья Борис и Глеб стали первыми национальными святыми вопреки сложившейся греческой традиции канонизации, в которой в основном прославлялись мученики за веру, святители или преподобные, но редко миряне. Более того, их канонизация, несмотря на позицию греческого митрополита, потребовала немалых усилий со стороны Русской Церкви и стала возможной во многом благодаря стойкому народному почитанию. Проясняя это обстоятельство, Г. П. Федотов отмечает, что Борис и Глеб пали жертвами феодальной междоусобицы, что случалось как до, так и после их гибели, а для языческого периода было в целом характерно. Даже отец Бориса и Глеба Владимир был вовлечен в раздор между братьями Ярополком и Олегом. Центральным вопросом для Георгия Петровича поэтому стал следующий: в чем народ и Русская Церковь усмотрели святость князей и как понимали суть их подвига. Анализируя летописные источники, он приходит к выводу, что идея подчинения старшему брату, т. е. интерпретация их подвига в ключе политического долга, проводимая Нестором в «Чтениях», не выдерживает критики. Опираясь на текст второго источника – «Сказания», – Федотов (2000) акцентирует евангельское обоснование их подвига: смирение, любовь, призрение власти – «суеты мира сего». «Вольное мучение есть подражание Христу, совершенное исполнение Евангелия», – пишет Г. П. Федотов (2000, с. с. 21–22). Идеи об освящающей силе страдания как последовании Христу мыслитель считает центральной в мироощущении русских людей. Федотов убежден: «Они творили святых из жалости, явив тем самым, что жалость – один из глубочайших корней религиозной жизни» (2015, с. 108).

В образе св. Феодосия Печерского кенотический идеал раскрывается иначе. Георгий Петрович показал святого как отца русского монашества, образец указавшего русский путь аскетизма, в котором суровые подвиги египетских и сирийских подвижников не заняли места эталона, но в большей степени близки к идеалам Палестины. Анализируя житие св. Феодосия, созданное Нестором, Федотов (2015) обращает внимание на «худую и сплатанную» одежду, с ранних лет носимую святым, не подобающую социальному статусу его семьи. Св. Феодосий работал в поле наравне со смердами, что воспринималось его окружением и прежде всего матерью как неподобающее поведение. «Это добровольное уничижение Феодосия питается живым созерцанием кенозиса Христа...», – пишет Г. П. Федотов (2015, с. 114). Аскетические подвиги, присутствовавшие в жизни святого, – ношение цепей под рубахой для преодоления соблазнов молодости и в первые годы жизни в пещерах в Киеве в зрелом возрасте приняли умеренный характер. С именем святого связан отход от пещерной жизни, положенной св. Антонием; преподобный строит не только кельи для монахов, но также богадельни для увечных и нищих. В качестве завета русскому монашеству св. Феодосий оставляет не закрытость от мира, а активное социальное служение. «Он жертвует безмолвием и созерцанием ради трудовой и братской жизни», – пишет Г. П. Федотов (2015, с. 117). В то же время кротость и смирение, часто упоминаемые летописцем Нестором на страницах его жития, не означали примирения с несправедливостью, святой обличал и князя Святослава, и неправедный суд. «Отец наш Феодосий многим заступник был пред судьями и князьями, избавляя людей, ибо не смел никто ослушаться его», – приводит слова летописца Федотов (2015, с. 120). Показательным может быть эпизод из последних лет жизни преподобного: пришедшая в монастырь за заступничеством от судьи, вынесшим «приговор без правды», вдова не признала в работнике, строившем церковь в скромной одежде, игумена. Проводя аналогии с католическим святым Франциском Ассизским, возродившем в католичестве евангельский образ Христа, Федотов (2015) подчеркивает, что Феодосий опередил его практически на полтора столетия и выступает здесь не как продолжатель, а как основатель. В целом обращаясь к древнерусской святости, Георгий Петрович выделяет ее «светлую мерность, отсутствие радикализма» (Федотов, 2000, с. 194), ведь даже в монашестве «господствующая аскеза русских святых – пост и труд» (Федотов, 2000, с. 195).

Монгольское нашествие, ломая весь уклад жизни, отразилось и на русской святости. Разорение монастырей и историческая обстановка, требующая объединения церковного и национального служения, вызвали

к жизни особый чин – святых благоверных князей. Строительство национального государства, находящегося под игом завоевателей и постоянной угрозой вторжения западных держав, ставило трудную задачу перед правителями русских княжеств. Среди канонизированных князей есть как мученики, поднимавшие мятеж против татар, как Михаил Тверской или св. Михаил Черниговский, отказавшийся от выполнения языческих обрядов в Орде, так и шедшие на компромиссы с ханами, видевшие основную угрозу со стороны Запада. Наиболее значительной фигурой этого крыла выступает св. Александр Невский. Г. П. Федотов (1998) подчеркивает, что с XVIII века его почитание затмило всех святых князей, о чем свидетельствует и перенос его мощей из Владимира в новую столицу Империи, покровителем которой он стал. Раскрывает отношение к святому и следующая мысль Георгия Петровича: «Путь Александра Невского становится символическим для Русской Церкви в годы революции» (Федотов, 1998, с. 160). Протоиерей К. Костромин, исследуя кенотические черты в жизни святого князя, констатируя невозможность его тождества с образом непротивленцев Бориса и Глеба, резюмирует: «Тем не менее, хотя жизнь св. Александра Невского являет нам образец иного рода святости – святости правителя, готового проявить силу ради посрамления врагов Церкви и Отечества, в нем также присутствует, хотя и только начально, исконно русская мысль о готовности к самопожертвованию с самоплакиванием – к русскому религиозному кенозису» (2022, с. 145). По мысли Федотова, начиная с XIV века происходит угасание княжеской святости, и в социальном служении их приемниками становятся юродивые. Выделяя юродство как крайнее проявление христианского кинетизма, Георгий Петрович подчеркивает, что оно не имело распространения в Древней Руси, но жития юродивых греческой Церкви были ей известны и любимы. Несмотря на это, Федотов (2000) считает, что широкое народное почитание, вопреки позднему неодобрению этой формы подвижничества Церковью, придает ему национальный русский характер. Так, образ юродивых присутствует от произведений И. А. Бунина до русской сказки, главных героев которой мыслитель полагает секуляризованным отражением чинов святых. «Иван-дурак, несомненно, отражает влияние святого юродивого, как Иван-царевич – святого князя», – пишет Г. П. Федотов (2000, с. 163).

Выделяя кенотический тип святости, Федотов (2013; 2015) обозначил и второй полюс русской духовной жизни, более характеризующийся как ритуалистический, прочно связанный с идеалом порядка в социальной и хозяйственной жизни, строгости, обрядовой красотой не только в церкви, но и в быту. В исторической жизни эта полярность проявилась между заволжскими «нестяжателями» и «осифлянами» – последователями св. Иосифа Волоцкого. Говоря об этическом дуализме, Г. П. Федотов (2015) подчеркивает, что противоборство суровой и умеренных тенденций характерно для всей русской истории. Георгий Петрович связывает это с византийским типом толкования Христа как Небесного Царя и Судии (Христа-Вседержителя), более близкого «осифлянам». В то время как умеренная – основана на образе «уничужденного или “кенотического” Христа» (Федотов, 2015, с. 348). В этом дуалистическом понимании и эсхатологические ожидания имеют раздвоенность между средневековым образом Страшного Суда и «раннехристианским чаянием вечной жизни» (Федотов, 2015, с. 344–345). Но и для осифлянства, связанного с суровостью обрядовых предписаний, и нестяжателей как более мистической линии русского православия, объединяющим элементом и общественной нормой выступала социальная благотворительность – милостыня. Наряду с церковью, именно благотворительность и для мирян, вне зависимости от материального статуса, являлась предписанным средством спасения. Таким образом, давая оценку древнерусской этики, Федотов считает: «Милосердие – общий знаменатель русской этики» (2015, с. 348).

С темой святости связана и стержневая для Федотова тема отношения культуры и христианства. Говоря о русском христианстве, Георгий Петрович отмечает его человечность как исконную черту, смысл которой раскрывается через «любовь и жалость к человеку» (Федотов, 2012, с. 246). Он выделяет особое народное почитание страстотерпцев, жертвенное служение святых князей и служение миру как традицию русского монашества. Именно кенотическое понимание святости, по мысли Федотова, стало основой великой русской литературы XIX века, воспринимаемой во всем мире как глубоко религиозная. «Пушкин – в его лучших произведениях – христианин. <...> Достоевский, Гоголь, Толстой – явления той же тысячелетней мудрости сердца, она живет в них, говорит через них», – пишет Федотов (2012, с. 246). Православная основа, соединенная в русских писателях с западной творческой традицией, создала из них христианских гуманистов. Центральной проблемой выступает отношение человека к человеку. Евангельское понимание христианства, восприятие другого как «отблеск Лица Христа», реализация идеи христианского гуманизма, по мысли Г. П. Федотова, ставит, таким образом, «задачу создания христианского общества как общения личностей» (2012, с. 247).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Использование концепта «культурный код» в образовании и политическом дискурсе актуализировало академическую дискуссию по его смысловому наполнению. В соответствии с принципом философского полилога обоснованным стало обращение к русской интеллектуальной традиции. В ходе исследования было показано, что идейный потенциал наследия Г. П. Федотова дает возможность найти ответы на вопросы сегодняшнего дня. Глубокое понимание ценностей, норм, мировоззрения, рассматриваемого в исторической динамике, и артикуляция объективных факторов, влияние которых определило развитие русской культуры, позволили Георгию Петровичу Федотову иногда схематично, но всегда глубоко и выразительно описать «душу» русского народа, его «культурный код». В качестве ценностной доминанты русской духовной культуры, проявившейся в истоках святости, в русской литературе XIX века, мыслителем выделяется человечность в смысле любви,

жалости. Задаваясь вопросом, осталось ли это наследие Святой Руси в постреволюционном человеке, Г. П. Федотов считает: «В русской мучительной, кенотической жалости мы видели основное различие нашего христианского типа от западной моральной установки» (2013, с. 356).

Методический прием Г. П. Федотова акцентуации полярных черт помогает объективно оценивать народный характер. В то же время выделение в народной душе и культуре различных слоев, «напластований», непосредственно преобладающих в социальной жизни и свойственных определенной исторической эпохе или присутствующих имплицитно, но питающих народную жизнь, позволяет мыслителю рассматривать культуру как многоплановую динамическую структуру. В работах Г. П. Федотова можно обнаружить органичное единство русской истории, культуры. Выделяемые им периоды Киево-Новгородской Руси, Московского царства, Империи не отменяют друг друга, а находятся в живой преемственности. Великая русская культура заключает в себе наследие и человека удельно-вечевой Руси, в котором философ и видит «исконный русский свободный тип» (Федотов, 2014, с. 362). «Лес и культурный пейзаж, славянская раса, свободный вечевой и федеральный строй (1000-1500 гг.) создавали иной тип русского человека – тот, который мы знаем по русским летописям: деятельный и отважный, свободный и предприимчивый, тип витязя, купца и путешественника, тип, который живет и поныне», – заключает Г. П. Федотов (2014, с. 362). Сравнивая народную душу с музыкальным произведением (в этом смысле вступительные такты не всегда выражают главную тему), Георгий Петрович полагал, что ее нельзя свести к набору элементов, она всегда раскрывается в исторической традиции. Так и идея «России» не может быть постигнута в одном поколении, она живет в связи эпох, но для нас, современников, живая цепь прошлого и будущего должна быть основой служения ей.

В качестве перспективного направления дальнейшего исследования можно выделить необходимость углубленного анализа темы русской святости в наследии мыслителя с точки зрения современных работ по агиологии.

Материалы исследования | Research materials

1. Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Мартис, 1996. Т. 1. «Абеляр» и статьи 1911-1925 гг. / сост., вступ. статья, примеч. С. С. Бычкова, примеч. М. Г. Галахтина.
2. Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Мартис, 1998. Т. 2. Статьи 1920-30-х гг. из журналов «Путь», «Православная мысль» и «Вестник РХСД» / сост., примеч. С. С. Бычкова.
3. Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Sam & Sam, 2012. Т. 4. Статьи 30-х годов из журналов ВРХСД, «Современные записки», «Числа», «Версты», «Новый Град» / примеч. С. С. Бычкова.
4. Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Sam & Sam, 2011. Т. 5. И есть, и будет / примеч. С. С. Бычкова.
5. Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Sam & Sam, 2013. Т. 6. Статьи из журналов «Новый град», «Современные записки», «Новая Россия» / примеч. С. С. Бычкова.
6. Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Sam & Sam, 2014. Т. 7. Статьи из журналов «Новая Россия», «Новый Град», «Современные записки», «Православное дело», из альманаха «Круг», «Владимирского сборника» / примеч. С. С. Бычкова.
7. Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Мартис, 2000. Т. 8. Святые Древней Руси / сост., примеч. С. С. Бычкова.
8. Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Мартис, 2004. Т. 9. Статьи американского периода / примеч. С. С. Бычкова.
9. Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Sam & Sam, 2015. Т. 10. Русская религиозность. Ч. I. Христианство Киевской Руси. X-XIII вв. / примеч. С. С. Бычкова.

Источники | References

1. Андреанов М. Г. О философии культуры Г. П. Федотова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2025. № 4 (74). <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2025.4.223>
2. Антощенко А. В. «Византизм» в интерпретации Г. П. Федотова // Вестник славянских культур. 2017. Т. 44.
3. Антощенко А. В. Г. П. Федотов о древнерусском язычестве // Вестник славянских культур. 2018. Т. 47.
4. Бердяев Н. А. Судьба России / репринтное воспроизведение издания 1918 года. М.: Философское общество СССР, 1990.
5. Волкогонова О. Д. Г. П. Федотов о национальном характере в истории России // Российский гуманитарный журнал. 2015. № 4. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2015.4.1>
6. Володенков С. В. Образование и культура. Стратегические основания суверенитета России в XXI веке // Государство. 2025. № 2.
7. Гаман Л. А. Реформаторская деятельность Петра I и культурный дуализм в России: взгляд Г. П. Федотова // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. <https://doi.org/10.17223/19988613/99/19>
8. Гумерова Ж. А. Идеал святости на Руси у Г. П. Федотова // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 289.
9. Домнинский П. А. «Время» и «воля» в историософии Г. П. Федотова // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 1. <https://doi.org/10.46726/Н.2025.1.17>

10. Киреев М. Н., Коренева Е. Н., Киреева Н. В. Культурный код России и его эволюция // Наука. Искусство. Культура. 2024. № 3 (43).
11. Козырев А. П. Концепт «мать сыра земля»: народная вера и религиозная философия // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2024. Т. 48. № 6. <https://doi.org/10.55959/MSU0201-7385-7-2024-6-3-21>
12. Костромин К. А. Кенотипические черты в житии св. Александра Невского // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 2 (18). https://doi.org/10.47132/2618-9674_2022_2_136
13. Лаптева А. В. Социально-философские аспекты трансляции цивилизационных ценностей в современном образовании // Манускрипт. 2025. Т. 18. № 4. <https://doi.org/10.30853/mns20250221>
14. Лосев Д. В. Культурный код: определение понятия и практическая проблематика феномена: теоретический обзор // Pan-Art. 2024. Т. 4. № 2. <https://doi.org/10.30853/pa20240020>
15. Матюшевская М. И. Древняя Русь в научно-публицистическом творчестве Г. П. Федотова // Studia Historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы. 2015. № 8.
16. Наумова Е. И. Культурный суверенитет и российская цивилизационная идентичность // Философия Победы (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне): сборник статей Международной конференции, Санкт-Петербург, 20-21 ноября 2025 года. СПб.: Институт Мира и исследования конфликтов, 2025.
17. Савицкий В. М., Черкасова Е. В. Культурные и лингвокультурные коды: теоретический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 12. <https://doi.org/10.30853/phil20230660>
18. Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Национальный культурный код: морально-нравственный аспект // Вестник Института социологии. 2025. Т. 16. № 3. <https://doi.org/10.19181/vis.2025.16.3.6>
19. Чулков О. А. Мифологема «скифства» в русской культуре на рубеже XIX-XX веков // Манускрипт. 2026. Т. 19. № 1. <https://doi.org/10.30853/mns20260030>
20. Mjør K. J. Georgii Fedotov as a Theologian of Culture // RUDN Journal of Philosophy. 2022. Vol. 26. No. 1. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-1-15-29>

Информация об авторах | Author information

Введенский Илья Анатольевич¹

¹ Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, г. Санкт-Петербург

Ilya Anatolyevich Vvedensky¹

¹ Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, St. Petersburg

¹ ivvedensky@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 03.08.2026; опубликовано online (published online): 26.08.2026.

Ключевые слова (keywords): русская культура; культурный код; Г. П. Федотов; философия культуры; философия Г. П. Федотова; Russian culture; cultural code; G. P. Fedotov; philosophy of culture; G. P. Fedotov's philosophy.